

Нумова Анна

история зеркала

Animedia Company

Анна НИМОВА

**История зеркала. Две
рукописи и два письма:
Исторический триллер**

«Animedia»

2013

Нимова А.

История зеркала. Две рукописи и два письма: Исторический триллер / А. Нимова — «Animedia», 2013

ISBN 978-80-87762-29-5

«История зеркала» – рукопись, события которой переносят читателя во Францию второй половины 17-го века. В то время, когда зеркало было явлением необычным, для кого-то пугающим, а для кого-то чудесным, разворачивается захватывающая история простого провинциального паренька по имени Корнелиус. Череду событий и перипетий, случайная на первый взгляд, приведет его в Париж, а знакомство с итальянскими мастерами заставит задуматься над тайнами, рожденными жизнью и сокрытыми в зеркалах, позволит пережить волнующие мгновения первой любви и проведет по разрушительным глубинам человеческого коварства. Яркие образы рукописи не оставят равнодушным никого – вы просто не сможете не сопереживать этим людям, таким далеким от нас, оставшимся в прошлом, но очень близким по мыслям, чувствам и душевным терзаниям.

ISBN 978-80-87762-29-5

© Нимова А., 2013

© Animedia, 2013

Содержание

Пролог	5
Рукопись первая. История зеркала	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Нимова

История зеркала

(Две рукописи и два письма)

Пролог

Спешу, наконец, написать о давно ушедшем: ведь кто знает, сколько ещё мне суждено оставаться на этом свете... Брат Рене из Сент-Антуанского аббатства, вблизи которого я надеюсь провести остаток дней своих, уступил многочисленным просьбам и уже несколько месяцев в час краткого досуга от усердного служения Господу нашему обучает меня искусству письма. И теперь самая несказанная радость – видеть, как бестелесные мысли в моей голове обретают свою земную жизнь на этих хрупких листах. Хотя стоило ради этого тянуть почти шесть десятков лет? Не так уж и мало, мог бы выбрать дорогу покороче, Корнелиус...

Невинное приключение, выпав вам однажды, может послужить источником для всей жизни, и, если наполнится сей источник не радостью, но горечью и тоской, – всё равно един исход, вам придется испытать его полностью, хоть это до конца дней лишит вашу душу малой надежды на успокоение.

Я точно знаю, что не искал приключений – они сами пришли за мной, я лишь послушно следовал неизбежному. Иногда я раздумывал, как сложилась бы моя жизнь, если бы не случился в ней тот вечер, много лет назад, или прислушайся я к наставлениям старших... «Никогда не заговаривай с незнакомцем!» – учил меня папаша Арно, конечно, он был прав... Но узнал бы я жизнь, как знаю сейчас? И самый главный вопрос: почему наш Господь всемилостивый захотел, чтобы я это знал? Сейчас я не верю в случайности. Тот вечер, когда в руках моих оказался сей незнакомый предмет, перевернул мою жизнь. Наверно, стоило отдернуть руку, но я доверился. Сначала глаза слепило острым лучом, а затем на дрожащей поверхности проступило бледное лицо, и мне сказали, что в нем есть я! «Колдовство, колдовство!» – шептал в ответ, так был поражен... Но и очарован. В памяти это осталось навсегда.

Годы прошли, прежде чем я смог осознать, что глупо жалеть о содеянном тогда и судить себя. Значит, не было на этом свете мне другого пути. Ещё порочнее – судить других. Нет, совсем не для того я решил учиться письму... Для чего же? Волосы твои, Корнелиус, давно потеряли цвет, морицин не сосчитать, глаза слезятся и с трудом различают буквы. А ведь был ты так же юн, как эти сорванцы, послушники аббатства, что во время мессы святой украдкой щипнут пальцем бок соседа и насмешиваются, когда тот от неожиданности пронзительно вскрикнет. Но сколько же всего минуло с тех дней... И все эти годы ты хранил молчание, слова никому не молвил, что же теперь заставляет держать в руках перо, бумагу? Вопросы, вопросы... До сих пор помню, как начал их задавать, а вот откуда оно пришло, это желание знать... Воистину, озаряет нас свет небесный, когда просыпается желание познать неизведанное. Жизнь учила меня, но вот странно: чем больше я узнавал, тем меньше, казалось, я знаю, и тем больше вопросов рождалось. На многое мне был дан ответ, и по-прежнему смиренно я ожидаю, что Господь не сочтет мысли мои за дерзость и не оставит своей милостью.

Не решаюсь говорить об этом с братом Рене и другими братьями аббатства, опасаясь быть непонятым и лишиться их расположения. Но хочу оставить им эти листы и сказать на последней исповеди: пусть уж сами решат, как с ними поступить, сохранить ли в скромной

своей библиотеке (в чем сильно я сомневаюсь) или положить со мной в могилу (что, скорее всего, и произойдет, так думаю).

О, искушение возвращаться в прошлое, где каждый твой день наполнен надеждой и потому обретает естественный смысл. Стереть бы эти проклятые годы, сделавшие из тебя немощного старца, медленно бредущего к последнему дню. Позволь мне, Господь всемогущий... Да святится имя твое... Да будет воля твоя... Уповаю на милость божью и приступаю.

*Корнелиус Морассе
1711 года, октября 21 дня
Аббатство Сент-Антуан, Париж*

Рукопись первая. История зеркала

1

Десяток ливров – не бог знает какие деньги, некоторые тратят их на обед, а за меня столько платили в год, когда через десять лет после рождения мой родитель определил меня на постоянный двор к папаше Арно. Двор стоял в нескольких часах езды от Лиона, но не на прямой дороге в Париж, а надо было съехать немного в сторону. Всего – четыре невзрачные постройки, в самой большой из которых находилась таверна, в остальных можно было расположиться на ночлег и поставить лошадей на отдых.

Первое время на постоялом дворе я сильно тосковал, но потом привык и был не в обиде. Дети-то часто замечают все не хуже взрослых. Я уже тогда понимал, что родители мои бедны, троих детей им прокормить трудно, а тут, получается, и деньги хоть какие, и чей-то рот всегда с куском хлеба. Поэтому отец и не отказался от предложения Арно отправить к нему одного из сыновей. Брат был старше меня двумя годами и уже помогал отцу и матери в хозяйстве, так что решили отдать меня.

У папаши Арно и его жены собственные дети не появились, но были две племянницы, уже не вспомню точно их имен... Своим семейством они жили в комнате над кухней таверны, а кухней служил небольшой закуток за грубой занавесью, где выпекали хлебные лепешки, жарили свинину и разливали вино в кувшины. На кухне мамаше Арно помогала одна из племянниц, другая девчонка и я разносили нехитрое кушанье гостям, убирали со столов после трапезы. На ночь я уходил в домик напротив, а точнее сказать, это были просто небрежно поставленные стены, разделенные внутри кривыми перегородками, и низко надвинутая крыша. Там же лежали набитые соломой тюфяки и старые тряпки, чтобы при желании было чем прикрыться в холодную ночь. Зимой, спасая от холода немногочисленных путников, мы разводили огонь в нарочно сделанном углублении ровно в самой середине, я же оставался ночевать в кухне.

Добрямом папашу Арно я бы не назвал. Чаще всего он был хмур, за пролитое в спешке вино мог дать хорошую затрещину, но особой злости в нем не чувствовалось. Хозяйство его было небогатым, но налаженным, конечно, кто при достатках, к нам не заезжал, но мелкие торговцы и ремесленники, отправлявшиеся на заработки в ближайшие города, наш постоянный двор знали.

Бывали вечера, в особенности летом, когда в таверне шумно садилась за ужин дюжина гостей, ночевали у нас и одинокие путники. Некоторых из них папаша Арно был рад видеть, мог подсесть к ним и расспросить о делах, но для меня разговоры с чужими были под строгим запретом. Много разных людей ходит, как знать, где – хорошие, где – плохие, а случись что – объясняй потом судье, удача, если удастся отделаться одним штрафом. Словом, мое дело – донести вино, не пролив ни капли, да убрать со стола поскорее.

В памяти мало что сохранилось о тех днях. Лишь помню – шли они однообразно друг за другом и были похожи словно капли воды, разве что летом теплое солнце золотило макушку, а зимой приходилось увертываться от порывов ветра, царапавшего ледяной крошкой. Но когда тебе одиннадцать или около того, и ты ничего не видел, кроме постоянного двора и соседней деревни, где временами навещаешь родных, как-то не думаешь, что может быть по-другому.

Летом день начинался с первыми лучами. Едва светлело небо, двор оживал, и посвежевший за ночь воздух вновь наполнялся пылью, когда постояльцы, перекрикивая друг друга, укладывали вещи, выводили седлать лошадей. Но были среди них и такие, кто желал остаться

незамеченным и быстро исчезал, не притронувшись к завтраку, чаще всего, больше мы их не встречали. Украдкой наблюдая эту суегу, я смутно сознавал, что все люди разные и за каждым стоит какая-то особая жизнь, весьма отличная от той, к которой привыкли папаша Арно или жители моей деревушки. Этим людям дано проснуться в одном месте, а уснуть в другом, – думал я, – сегодня они завтракают у нас, а завтра – за сотни лье отсюда. Мысль эта вызывала неясное оживление, но разум мой спал, пока я носил еду, мыл грубо сколоченные столы и собирал остатки со столов. Двор постепенно пустел, так же угасало мое оживление...

Поздней же осенью и зимой, когда из-за нескончаемых дождей и снега дороги становились труднопроходимыми, часто по несколько дней мы не встречали ни одного человека. О чем я тогда думал, коротая долгие вечера на полу в кухне? О том, что какая бы ни была холодная зима, все равно ей придет конец, и вслед наступят весна и долгожданное лето. Вспоминал прошедшее лето, прозрачный свет, разливающийся ранним утром, и разноцветных птах, ловко перепрыгивающих с ветки на ветку – стрекоча между собой, они поворачивали головки в сторону восходящего солнца. Вспоминал, как юркие рыбки мелькали в ручье за домом, и воду его, такую холодную, что сводило руку, которая несла ведро. Так неспешна и проста была в то время моя жизнь, что, будучи ребенком, я о грядущем думал как о прошлом, словно глубокий старик.

Минул первый мой год у папаши Арно... За ним – второй. Время тянется, когда ждешь чего-то, когда ничего не ожидаешь, дни пролетают незаметно. В то время я ничего не ждал, и мыслям моим было покойно. Думалось мне: так и буду всю жизнь работником на этом дворе, а если даст Господь, со временем заведу свое хозяйство. Так же гулко стану приветствовать гостя, тяжело усаживаясь рядом, заведу разговор о видах на урожай, напоследок прошепчу злое словечко о приставах – опять без зазрения требуют новую уплату, хотя платили налог не далее как в позапрошлом месяце. Словом, как это делал папаша Арно, ибо я не видел перед глазами ничего другого... И не было мне тогда дано знать, что судьбой уже предначертана для меня другая дорога. Есть на этом свете человек, с которым уготовано встретиться, который с каждым днем подходит все ближе и ближе ко мне, и вот уже нет такой силы, что разведет нас в стороны и не допустит нашей встречи. Встречи, которая всего лишь через несколько лет решит нашу судьбу, ибо я казню его, а он казнит меня.

2

Подходил к концу третий год жизни на постоялом дворе. Вспоминаю: осень 1665 выдалась на редкость сырой, пронзительно ветреной. Заморозков почти не было, от обильных дождей дороги совсем расползлись, и никто не стремился отправляться в путь в такую непогоду. Несколько дней кряду мы не видели ни души.

Дел оказалось немного. Племянниц папаша Арно отправил навестить родственников в деревню, сам же со своей женой был занят по хозяйству, я помогал им. В один из хмурых дней хозяин решил подправить дом, служивший для ночлега постояльцам, из-за своей старости тот уже давно накренился, угрожая однажды обрушиться прямо на головы спящих гостей. Помогая в работе, время от времени я поглядывал по сторонам, и неожиданно поймал себя на том, что надеюсь увидеть путника, желающего получить еду и ночлег на ночь. Эта мысль удивила меня. Раньше, когда гостей становилось меньше или не было вообще, я был несказанно рад и предпочитал поспать, зарывшись в охапку сена или развлечься нехитрой игрой, складывая подходящие щепочки и разбивая горку ударом маленького камешка. А тут почувствовал себя как в первые дни у папаши Арно, когда грустил по родному дому.

Ещё раз оглядел знакомый до мелочей двор, видел его по многу раз, и вчера, и днями раньше – вроде всё то же, но вдруг проступило что-то новое, заставившее болезненно сжиматься. Неровные облака, переполненные влагой, от того тяжело нависавшие над размякшей

землей, голые деревья с пустыми черными, как обуглившимися, гнездами давно улетевших птиц – все замерло, словно покоряясь неведомой воле, лишившей их собственного движения. За открытыми настежь воротами виднелась размытая дорога, усыпанная обломками веток, и только прозрачная дымка крутилась над ней, единственно живая, сохранившая способность двигаться. Какая-то неприятная пустота подкрадывалась к нам, продвигаясь вперед шаг за шагом медленно, но неуклонно... Оставалось поглотить лишь эту дрожащую дымку.

Сквозь непривычную для себя задумчивость расслышал голос папаши Арно:

– Ну всё, на сегодня довольно, вроде как получше стало... До весны точно продержится. А там видно будет... Посмотрим, как доживем.

Не сообразив сразу, что он говорит со мной, я ничего не ответил, чем вызвал его удивление.

– Да, вижу ты, парень, замерз совсем. Собирай вещи, пошли скорее в дом.

В доме я согрелся, но ощущение пустоты не проходило. К вечеру почувствовал, что оставаться одному совсем тоскливо, и сказал, что хотел бы спать в кухне. Мамаша Арно равнодушно пожалала плечами.

– Оставайся, кто тебе не дает... Да присмотри, чтобы печь не остывала.

Ночью, прижавшись спиной к теплой печке, я старался забыться сном, но никак не мог отогнать от себя унылую картину замирающих на долгие месяцы деревьев и дороги, укрытой густым холодным туманом. Словно кто-то нарочно прячет её на зиму, не желая, чтобы у нас нашли приют. И пройдут путники мимо, будут уходить дальше и дальше, другие люди их встретят, а вокруг нас по-прежнему будет кружиться эта нескончаемая пустота, – думал я, и беспокойство непрерывно теснило мою грудь. В ту ночь я не смог бы выразить словами, но теперь понимаю: причиной тогдашней грусти было нашедшее меня чувство одиночества.

Три последних года я жил среди нескольких взрослых, которым не было до меня никакого дела. Как и не было рядом человека, с которым мог бы сблизиться. Со мной редко говорили, а если такое случалось, слышал я не более десятка слов. Разговоры же с гостями, как уже упоминалось, были под суровым запретом. Но смотреть на гостей никто не мог запретить – это единственное, что оставалось, и с некоторых пор люди, в особенности новые, стали вызывать во мне любопытство.

В памяти моей всплывало грубое лицо торговца, удачно продавшего товар в Лионе, а в ушах стоял его оглушающий хохот, когда он рассказывал на всю таверну, как ловко сторговался с покупателем и выручил даже больше, чем ожидал. Случайные его приятели гоготали не меньше, пили за его здоровье, перебрасываясь грубыми шуточками, только вскоре разбежались. Сначала один вышел, облегчиться ему понадобилось, да что-то так и не вернулся, потом незаметно исчез другой, и пришлось торговцу с перекошенным от злобы лицом расплачиваться с папашей Арно за всю трапезу – так и утекли его легкие денежки. Ночью я слышал, как он ворочался за соседней перегородкой и в бессильном гневе сыпал такими проклятиями, что я под конец испугался, не вызовет ли сей мирный с виду человек самого черта.

Тот торговец был из знакомых, иногда заезжал к нам, но были другие гости, посетившие нас единожды и исчезнувшие навсегда.

Однажды со мной пытался заговорить монах, по виду – францисканского ордена. Вроде был тот монах ничем не примечателен: говоря о нем, и трех слов не наберешь. Я бы только смог сказать, что он невысок и вид имел угрюмый. Появился в нашей таверне вечером и сразу занял пустой угол, словно подальше от особого внимания. Посидев немного, монах без лишней надобности прикрыл голову капюшоном. И как раз к нему подошел папаша Арно.

– Что желает господин хороший?

Я стоял рядом с кухней и не услышал ответ, последовавший из-под капюшона, но заметил, как папаша Арно насторожился. Вроде он собирался спросить что-то, но, поколебавшись, громко крикнул:

– Эй, Корнелиус, воду и хлеб на этот стол!

Схватив ломоть хлеба и кувшин, я бросился вон из кухни. Когда я расставил скромное угощение, монах быстро глянул на меня, и я догадался, что смутило хозяина. Глаза монаха метались непрестанно, цепляли людей и предметы, но ни на чем не задерживались, скользили, загораясь беспокойным огнем, и, казалось, жили своей жизнью, отдельной от их хозяина. Уж не приступ ли лихорадки случился с ним в дороге, а может, что и похуже, – подумалось мне.

Я отходил от стола, когда что-то удержало край моей рубахи. Оглянувшись, увидел мелькнувшую руку монаха и ещё раз почувствовал на себе его скользкий взгляд.

– Я понял: тебя зовут Корнелиус. Ты давно живешь здесь?

Было в этом человеке нечто, заставившее меня остановиться. Говорил он глухим шепотом, но шепот звучал как последние раскаты грома после сильной грозы. Руки его не лежали спокойно, а без всякой надобности поправляли одежду, у меня мелькнула мысль, что неудобно монаху в этой одежде, и заметно она ему велика.

Не дождавшись ответа, монах зашептал снова:

– Давно здесь живешь? Верно, ты всех здесь знаешь?

Неизвестно, чем бы эти расспросы закончились, если бы папаша Арно не поторопился к нам подойти.

– Не сердитесь, мой господин, мальчишка этот мал да глуп, ему бы только поглазеть вместо того, чтобы работать... – и от звонкой затрешины у меня загудело в голове.

Благоразумным было поскорее убраться, что я не замедлил сделать. Прислуживая другим гостям, я старался не смотреть в угол, где оставил монаха, но чувствовал, как временами он посматривает на меня, и каждый раз, когда я против воли всё же поворачивался к нему, его беспокойные руки шевелились, словно делали мне знаки подойти.

Поев, монах продолжал сидеть молча, словно чего-то ждал. Сидел он сильно сгорбившись, опершись руками о стол, а его лицо совсем исчезло в капюшоне. Мне стало казаться, что он непременно хочет со мной говорить, и, верно, от этого я и сам сильно заволновался. Я то страшился наказания за нарушение запрета, то желал этого разговора, ведь до сих пор никто не обращал на меня самого малого внимания. От волнения у меня так задрожали руки, что добрая половина кувшина расплескалась прямо под ноги ужинавших. Увидев это, папаша Арно в ярости заорал на всю таверну, разговоры разом притихли, а странный монах будто очнулся от забытья. В величайшем беспокойстве он оглянулся, пытаясь сообразить, что произошло, потом как вспомнил что-то и потянулся к кожаному мешочку, болтавшемся у него на поясе. Бросив на стол мелкую монету, он, не говоря ни слова, пошел к двери, даже не спросив про ночлег, несмотря на поздний вечер. Это вызвало ещё больше удивления у папаши Арно: в те времена, как, впрочем, и сейчас, путешествовать ночью, да ещё одному, было делом не только неразумным, но и опасным. Однако удерживать его никто не стал...

Позже, уже собираясь идти спать, я слышал, как папаша Арно тихонько говорит жене:

– Сдается мне, и не монах он вовсе... Слышишь, Анна?

– Да, много лихих людей, такие времена, что и говорить, – только и сказала мамаша Арно, прибирая в кухне. Они были довольны, что столь подозрительный гость без лишних хлопот убрался со двора, и больше не заговаривали о нем. Я же ещё несколько дней вспоминал о его следящем взгляде, но потом успокоился.

В ту ночь я перебирал в памяти свои короткие встречи, и мне стало казаться странным, что одни люди словно наделены даром свободно выбирать себе дорогу, и дано им идти по ней. Опять я стал думать, что их новый день не похож на вчерашний, и сколько всего они смогут увидеть, узнать на своем пути, даже если это таит в себе некую опасность... А другие принуждены всю жизнь провести на одном месте... Сам ли человек решает, как жить, или ему дается знать? Верно, надо обратиться к Господу, чтобы наставил на нужный путь... Или человек всё узнает, когда приходит его время... Стараясь положить конец странному, как мне казалось,

размышлениям, я шептал молитву, но сон всё равно бежал от меня. Первый раз в моей голове сложился вопрос, и не было ответа, который смог бы разом успокоить.

Далеко за полночь всё же начал дремать, когда увидел рядом с собой незнакомого мужчину. Я не слышал его шагов и не мог понять, как он очутился в кухне, спросонья решил: какой-то заблудившийся путник ищет ночлег до рассвета. Я уж было собрался крикнуть хозяину, но заметил бледный свет, разливающийся вокруг нас. Приглядевшись, увидел: свет тот исходит не от огня, успевшего к тому времени погаснуть, и не с улицы, коль скоро ночь, а от лица и рук мужчины. Тут я совсем очнулся и сообразил, что незнакомец никак не мог попасть в дом, ибо дверь заперта и въездные ворота тоже.

Душа моя наполнилась страхом, я чувствовал: не только крикнуть, слова вымолвить не могу, мужчина же продолжал стоять совсем близко от меня. Одет он был в темные одежды и выглядел человеком средних лет, хотя из-под круглой шапочки на голове выбивались совершенно седые волосы. Лицо его казалось скорбно и неподвижно, губ не размыкал, и скорее я почувствовал, чем расслышал голос, ему принадлежащий: В моей власти, Корнелиус, дать тебе ту дорогу... И более ничего не прибавил. От ужаса я закрыл глаза. Не могу точно сказать, сколько просидел, боясь пошевелиться, слушая удары, гулко бьющиеся в груди, пока, наконец, не послышались спасительные шаги с лестницы – это мамаша Арно спускалась в кухню, чтобы начать новый день. Открыв глаза и оглядевшись, я убедился, что мужчина исчез.

*****

3

Прошло ещё несколько дней – гостей по-прежнему не было. Взволнованный той странной ночью и необычным видением, я старался больше времени проводить вне стен таверны, ночевал в доме для гостей, а на кухню заглядывал с опаской – всё мне мерещился человек с седыми волосами. И хотя разум подсказывал, был он всего лишь сон, но слишком уж отчетливо запомнилось его обращение.

Выйдя одним ранним утром во двор, я увидел, что пронизывающий ветер, метавшийся по округе в последние дни, наконец, стих, а края неба окрашены бледно-желтым и розовым. День обещал быть солнечным, и я решил навестить родных прежде, чем выпавший снег скроет дорогу на долгие месяцы. Папаша Арно не особенно возражал, и тот день я провел дома.

Так Господь даровал мне видеть родителей, но не дал знать, что это наша последняя встреча... Много лет спустя я думал, как милостиво задумано создателем скрыть от нас будущее: кто знает, как бы мы распорядились своей жизнью, узнай всё наперед. Как бы я пережил тот день, зная, что нам не суждено больше свидеться? К счастью своему, я не ведал об этом.

Сумерки начали сгущаться, когда я возвращался на постоялый двор. Торопясь добраться, пока совсем не стемнело, я ускорил шаг, почти побежал, но внезапно остановился как вкопанный: мне почудилось, что на этой знакомой с детства дороге я не один, и из темноты прямо на меня надвигаются тени. Приглядевшись, я действительно различил сквозь деревья смутные фигуры – это были какие-то всадники, расслышал, как их лошади двигаются неспешным шагом, но голоса людей до меня не долетали, судя по всему, ехали они в глубоком молчании.

По мере того, как всадники приближались, стало возможным рассмотреть, что всего их семь человек, четверо наглухо закутаны в дорожные плащи, а лица прикрывали широкими полями шляпы. Трое же всадников лица не прятали, и даже надвигающаяся темнота не могла скрыть их важный вид, были они похожи на знатных особ, которых сопровождают слуги. Фигуры то скрывались за деревьями, то появлялись снова, но медленно двигались ко мне, встреча наша делалась неминуема.

В нерешительности я замер на дороге, не зная, что предпринять, ругая себя, что не успел вернуться к папаше Арно засветло.

Рано или поздно они заметят меня, и что хорошего может сулить такая неожиданная встреча, – рассуждал я, – что может быть нужно знатным сеньорам в этом месте в столь неподходящий час? Для охоты время позднее... А если едут они по делу, то почему не торопятся, наступающая ночь настигнет их в лесу. Не найдя достойного объяснения, я не на шутку испугался. Ясно припомнился мужчина с седыми волосами, явившийся то ли во сне, то ли наяву несколько дней назад. Если людям здесь делать нечего, так, может, и не люди они, а принявшие человеческое обличие посланники Господа, отправленные нам за неведомые пока прегрешения, – подумалось мне, – а может, и не Господь их посылает...

Мысли кружились всё быстрее, и такой страх овладел мной, что, не справившись с ним, я сбежал с дороги и напролом через кусты, деревья, спотыкаясь, бросился прочь. Я надеялся, что смогу обогнуть всадников и, выскочив на дорогу позади них, добежать до постоянного двора, но совершил ошибку. Хруст ломаемых веток не мог остаться без внимания настороженно прислушивающихся ко всем шорохам, и, оказавшись опять на дороге, я понял, что меня заметили. Стараясь не оглядываться, я изо всех сил бежал вперед, но чувствовал, как всадники повернули лошадей и стали следовать за мной. Огромные тени почти бесшумно двигались за моей спиной. Окончательно уверившись, что они преследуют меня, я думал только об одном: как бы поскорее добежать до постоянного двора и выбраться из этой проклятушей темноты на свет. Губы мои пытались выговорить молитву, но слова мешались, ничего путного не выходило, и Господь, которого я отчаянно призывал, оказался бессилен помочь мне. К счастью, бежать оставалось недолго, и скоро впереди замелькали тусклые огни, едва освещавшие знакомые строения.

*****

4

Когда я вбежал на постоянный двор, уже совсем стемнело. Хозяева ждали моего возвращения и большие кованые ворота, обыкновенно запираемые на ночь, были ещё открыты. Задышавшись, я всё так же бегом пересек пустой двор и распахнул дверь таверны. Папаша Арно, сидя за столом, доедал похлебку, его жена мыла тарелки возле кухни; услышав стук двери, они разом повернулись.

С трудом переводя дыхание и не в силах произнести ни слова, я повалился на стоящую рядом скамью, чем немало встревожил хозяев. Желания начинать рассказ о приключении на дороге не было, я сказал только, что поздно ушел из деревни, и очень торопился добраться, прежде чем наступит ночь. Мамаша Арно недоверчиво покачала головой.

– Станный ты какой в последние дни, Корнелиус, и что только с тобой происходит... То ходишь, ничего не видя – слова не добиться, а то несешься, потеряв голову.

Чувствуя себя почти в безопасности, я хотел уверить её, что ничего особенного со мной не случилось, как вдруг со двора раздались топот и фыркание лошадей, послышались голоса, кто-то громко позвал:

– Эй, хозяева! Есть здесь живая душа?

Папаша Арно проворно вскочил и, подхватив светильник, бросился к двери. В проеме я увидел людей на лошадях, но вот один спешил, за ним второй... Завороженно следил я, не в силах пошевелиться. Те, кто на ночной дороге казались видениями, при свете обретали вполне земную форму...

Схватив лошадей под узду, хозяин в раздражении крикнул:

– Черт тебя носит, Корнелиус, да помоги же!

Выбежав во двор, я придержал лошадь последнего спрыгнувшего на землю. Видно, устав в дороге, он решительно снял шляпу, и я снова замер. Ни у кого раньше не видел таких волнистых черных волос. Он пригладил их рукой, и послушно они окружили его лицо. Огоньки, отражаясь в темных, широко очерченных глазах, заставляли их то вспыхивать, то гаснуть, но не это казалось удивительным, а то, что был он совсем мальчик, едва ли сильно старше меня.

В тот момент один из тех, кого я принял за важных господ, а при свете разглядел, что одеты они в форму королевской гвардии, громко захохотал, тыча пальцем в мою сторону:

– Слава Богу, мы заметили этого мальчишку, он как полоумный заяц мчался по лесу, а то проехали бы мимо... Хозяин, нам нужен ужин и ночлег до утра.

Мне приказали поставить лошадей в стойло, после чего папаша Арно повел гостей в дом.

Управившись с лошадьми, я вошел в таверну. Гости ужинали. Спрятавшись за занавесью кухни, я с осторожным любопытством принялся их рассматривать. Несколько раз мне доводилось видеть королевских гвардейцев, когда они проезжали через нашу деревню в Лион, но не было ещё случая, чтобы гвардейцы почтили своим присутствием двор папаша Арно, очевидно, находя это ниже их гвардейского достоинства. А скорее всего, просто не было для них особой необходимости сворачивать к нам с прямой дороги. Как же могли они оказаться на затерянном дворе сегодня вечером? Возможно, ответ сокрыт не в гвардейцах, а в людях, с которыми они едут, – думал я.

Во время ужина, как и на дороге в лесу, гости предпочитали хранить молчание, лишь изредка перебрасывались словами, суть их мне была не слышна. Мальчик, которого я приметил во дворе, сидел ко мне спиной, напротив расположился пожилой мужчина. Крупные, резко очерченные черты его лица говорили, что, скорее всего, он родом с юга, но смуглая с темным отливом кожа, именно темная, а не загорелая, даже для жителей юга выглядела весьма необычно. Поверх рубахи из тонкого полотна на мужчине было надето что-то вроде кожаной куртки с короткими, доходившими до локтей, рукавами, перехваченной на животе широким ремнем с блестящей пряжкой. Одежда выдавала в нем городского жителя, а сдержанность, с которой он вел себя во время еды, окончательно укрепила во мне эту мысль.

Слева от него, с жадностью изголодавшегося, поглощал куски свинины один из королевских гвардейцев, далее степенно управлялся с едой мужчина средних лет. И хотя цвет его лица почти не отличался от привычного для нас, разница в чертах сразу становилась заметной в сравнении с соседом-французом. Рассмотрев его крупный, немного вытянутый как птичий клюв нос, я решил, что нет лучшего способа отличить нефранцузов от французов, как посадить их за стол с французами. Подумав об этом, я не смог сдержать смехок, хихиканье не ускользнуло от папаша Арно. Довольно ощутимо защемив пальцами мое ухо, он всунул мне в руки большое блюдо с хлебом и слегка подтолкнул в спину. Когда я подносил блюдо к столу, пожилой мужчина обменялся со своим соседом короткими словами, и с удовлетворением я убедился, что прав, и говорят они на другом наречии, округлом и приятным для слуха.

*****

5

Ужин подходил к концу. Я уже приготовил тряпки – сметать крошки со стола, когда гвардейцы потребовали от папаша Арно ночлег. Хозяин отправился с ними в домик для гостей, но почти сразу они вернулись, при этом гвардейцы бранились не хуже наших деревенских торговцев.

– Послушай, папаша, как тебя там... Неужели ты и правда думал, что мы отправимся спать в твой дырявый сарай? Да это всё равно, что лечь под открытым небом!

Один из гвардейцев, особо не церемонясь, сунул свой локоть прямо под нос хозяину. На рукаве красовался герб с лилией.

– Ты что, ещё не понял, кто перед тобой? Иди туда сам, а мы устроимся в твоей теплой каморке.

Папаша Арно насупленно смотрел в сторону:

– Тогда мне нечего предложить вам, господа, разве что отправиться в Лион, где вы сможете остановиться в гостинице как раз по вашему вкусу.

– Ха, Лион! Ну и умник...

– Попридержи язык, хозяин, не тебе давать советы, как нам поступить!

Завязалась перепалка. Раньше мне не доводилось видеть, что бы кто-то из гостей или домочадцев столь уверенно возражал, и со вниманием я прислушивался к резким голосам, разносившимся по всему дому. Спор тот был скорее желанием избавиться от раздражения, вызванного, в свою очередь, усталостью, но гвардейцы не скупилась на колкие словечки. Хозяин же старался быть сдержанным перед слугами короля, хотя я видел: это давалось ему немалым трудом. Остальные, по-прежнему в молчании, ожидали конца спора, и было неясно, понимают ли они нашу речь или, всё понимая, просто не считают нужным вмешиваться. Мальчик, закончив ужинать, пересел на другую скамью, и теперь я видел его лицо; взгляд блестящих глаз задержался на мне, но не было в нем ничего, кроме сильной усталости...

Неизвестно, чем всё закончилось, если бы в конце спора папашу Арно не озарило.

– Впрочем, господа, если хотите, можете оставаться прямо здесь.Guestов больше не ожидается, лавки сдвинем, а тюфяки я принесу.

Предложение было воспринято с некоторой благосклонностью, и мы, наконец, начали готовиться ко сну. По требованию гвардейцев хозяин вышел во двор ещё раз проверить, хорошо ли заперты въездные ворота, а я быстро убрал остатки от ужина. После этого мы отправились за тюфяками, по дороге папаша Арно шепнул:

– Послушай, Корнелиус, ложись-ка ты сегодня в кухне. А если что – беги скорее наверх и разбуди нас с Анной.

Я молча кивнул и про себя обрадовался представившейся возможности лучше присмотреться к гостям. То ли причина тому их необычные лица, а может, незнакомый язык, но сильно будоражили они мое любопытство. Не думать о гостях я уже не мог, и, словно угадав мои мысли, папаша Арно вдруг рассердился.

– Сразу отправляйся спать, да не вздумай с ними разговаривать!

И безо всякой надобности опять дернул моё ухо.

Вдвоем мы перетаскивали тюфяки и расстелили их на полу, как раз посередине таверны. Однако гости посчитали, что им удобнее спать порознь. Люди со смуглыми лицами устроились у стены, а королевские гвардейцы, посоветовавшись, решили спать ближе к двери. Меня это не удивило: ещё во время ужина заметил, что, хотя они и путешествуют вместе, друг с другом почти не разговаривают. Конечно, большая разница между дорожным плащом и формой королевской гвардии, – рассуждал я, – как гвардейцы кричали на хозяина, он им и возразить не посмел. С простым человеком они не церемонятся, а уж если едут вместе, значит, это особый случай. Получается, всё-таки важные господа – эти люди со смуглыми лицами, если гвардейцы приставлены их охранять. Но как они оказались в нашем лесу, в стороне от прямой дороги...

С этими мыслями я остался в кухне. Папаша Арно загасил светильники, кроме одного, как раз рядом с лестницей, было слышно, как он медленно поднимается по ступеням. Вскоре шаги затихли.

Я сидел на полу и смотрел сквозь занавесь, как дрожит и качается робкий огонек: он то расплывался, то становился совсем крошечным. Если ты не один, ночная тишина никогда

не бывает полной. До меня то и дело долетали шорохи, сонное бормотание и вздохи засыпающих людей.

Наконец, почувствовав, что сам засыпаю, с удовольствием опустил на теплый пол и уже предвкушал увидеть какой-нибудь приятный сон, как вдруг послышались осторожные шаги. От движения занавесь затрепетала, потом слегка отодвинулась, и смутная тень заглянула в кухню. Сонный, я приподнялся с пола, чтобы рассмотреть вошедшего. Вероятно, он нагнулся ко мне, но не рассчитал, и в темноте наши головы едва не столкнулись. Скорее догадался, чем разглядел лицо мальчика, а потом услышал его шепот:

– Можешь дать воды?

Сон мгновенно слетел с меня, так неожиданно было услышать, что он говорит теми же словами, что и я.

*****

6

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга молча. Я пытался сообразить, должен ли ему что-то ответить или просто показать, в каком кувшине стоит вода. Так и не дождавшись ответа, мальчик продолжал тем же шепотом:

– Без воды не уснуть, от вашей свинины в горле пересохло.

И добавил:

– Как твое имя?

Вероятно, приключения того вечера подействовали так сильно, что я не удержался перед соблазном и все же вступил в разговор:

– Я думал: вы нездешние... Ты говоришь по-французски?

– Ты прав, мы нездешние, – откликнулся он. – Но моя мать была француженкой, и на этом языке я учился разговаривать... Так как тебя зовут?

– Корнелиус. А ты...

– Ансельми.

– Ансельми, – с удивлением повторил я. Никогда не слышал подобного имени.

Он говорил с непривычным акцентом, но плавная речь звучала так красиво, казалось, слова рождаются сами по себе, без его участия, и ему остается самое легкое: просто их произнести. Мой же язык был как деревянный и так беден, что завязать разговор стоило больших трудов. Сам не знаю, зачем я спросил:

– Ты много путешествовал?

– О, да! Приходилось... Когда я появился на свет, мои родители жили в Вероне, а потом мы переехали в Венецию.

Я решил умолчать, что никогда не слыхал ни о Вероне, ни о Венеции.

– А сейчас где твои родители?

Он сделал неопределенный жест рукой.

– Они уехали... Всё-таки можешь дать воды?

Стараясь двигаться как можно тише, я снял с полки кувшин.

– Мои родители живут в соседней деревне. Те другие, что с тобой, тоже говорят на французском?

– Очень плохо. Сказать по правде, они меня для того и взяли, чтобы поменьше объясняться. Так что это я при них, а не они со мной.

И тихонько рассмеялся своей шутке. Напившись, мой неожиданный собеседник опустился на пол, мне пришлось усесться рядом.

– Значит, ты из соседней деревни, а живешь на этом дворе. Сколько же тебе лет?

– Тринадцать лет и четыре месяца.

– Четыре месяца? Умеешь считать? Это неплохо. И чем же приходится здесь заниматься?

Я подумал: оказывается весьма приятно, когда к тебе проявляют интерес. Это заставило окончательно позабыть о наставлениях папаши Арно и продолжить беседу. Одно омрачало наш разговор – моя ужасная речь, позже Ансельми не упускал случая, чтобы подшутить надо мной, меня же воспоминания об этом до сих пор повергают в смущение.

– Я разношу еду, убираю со стола.

Ансельми искоса посмотрел, но ничего не ответил. Я поторопился прервать наступившее было молчание.

– А что делаешь ты?

– Я? Да, пожалуй, вроде тебя... Подношу, убираю. Конечно, я нетерпелив, но, думаю, придется заниматься этим годы, прежде чем мне доверят серьезную работу и сделают мастером.

– Мастером?

– Ну да, мастером. Как Антонио и Пьетро. И французский король прикажет своим слугам охранять меня, – он снова улыбнулся.

– Кто такие Антонио и Пьетро?

– Антонио и Пьетро ты видел за ужином – два пожилых мужчины среди нас. Они приглашены ко двору, чтобы открыть мастерскую.

Чем больше мы говорили, тем больше рождалось вопросов. Разговор велся едва слышно, а из комнаты наверху до нас долетал звучный храп папаши Арно, так что внезапное появление хозяина в кухне меня не беспокоило. Но можно ли задавать столько вопросов совсем незнакомому человеку? Я замолчал в нерешительности. Однако Ансельми разрешил мои сомнения и, удобно вытянувшись на полу, сам продолжил разговор:

– Мы выехали ещё в прошлом месяце. В Лионе пришлось задержаться, чуть не вернулись обратно. Но теперь дороги назад нет, только в Париж.

Про Париж я, конечно, знал и решился спросить:

– А что вы будете делать в мастерской?

Ансельми задумался, потом быстро поднялся и вышел, стараясь не потревожить ночную тишину. Я решил, что он совсем утомился от разговора со мной и ушел спать, однако вскоре он вернулся, держа в руках дорожную суму. Снова опустившись рядом, Ансельми размотал узел и начал перебирать вещи. Наконец, вытащив какой-то небольшой предмет округлой формы, повернулся ко мне:

– Можешь протянуть руку, чтобы на неё падал свет?

Ничего особенного в его просьбе я не усмотрел, поэтому согласился. В руках Ансельми держал нечто вроде маленькой оправы. В похожие оправы в нашей церкви вкладывали картинки с нарисованными деяниями святых; он положил мне её на ладонь, и я почувствовал прохладу, исходящую от поверхности. Взяв мою ладонь в свою руку, Ансельми глазами показал мне смотреть на оправу, а сам начал медленно поворачивать руку так, что вскоре оправа оказалась как раз напротив моего лица. Тогда я увидел, что сделана она не из дерева и не из железа, хотя такая же твердая и гладкая на ощупь. По мере того, как рука моя приближалась, поверхность оправы светлела. Для чего же может служить сей странный предмет, – удивлялся я про себя, как вдруг из середины оправы вырвался луч, а за ним... На меня отчетливо смотрели чьи-то глаза! Не нарисованные, нет, они двигались, словно живые.

Приглушенно вскрикнув, я отшатнулся. Колдовство! Колдовство, колдовство!! Оправа выпала из моих рук, и Ансельми едва успел подхватить её, прежде чем она покатилась по полу. Я бросился к дальнему углу кухни. Учили же меня, почему я, глупый, пренебрег советами старших! Вот до чего может довести непослушание, только что мы чуть не вызвали самого

дьявола, что бы я сказал на это папаше Арно! Рот мой сам раскрылся, я хотел кричать, позвать на помощь, пока страшный дух не успел окончательно проникнуть в наш дом.

Кто-то бросился ко мне и изо всех сил сжал мою голову. Принимая его за разбушевавшегося духа, я отчаянно вырывался, когда заметил, что это всего лишь Ансельми пытается удержать меня от крика. И, хотя с виду он был не намного выше и такой же худой, явно он оказался сильнее и смог заставить меня молчать.

Увидев, что кроме нас двоих в кухне больше никто не появился, я понемногу успокоился. Однако наша борьба наделала шуму. Стало слышно, как за занавесью кто-то ворочается. Храп из комнаты папашы Арно оборвался, и, несмотря на пережитый ужас, я почувствовал, что появление в кухне хозяина или кого-то из гостей принесет новые неприятности. Видимо, Ансельми тоже не жаждал встретить своих товарищей, и, не сговариваясь, мы забились в самый угол, тесно прижавшись друг к другу, стараясь успокоиться и даже дышать беззвучно.

Странное чувство охватило меня тогда. Мне казалось, что однажды мы уже сидели вот так, и знаю я Ансельми очень давно. Хотя родились мы и жили далеко друг от друга, незримая связь существует между нами, и связаны мы ей словно старший и младший брат. Его ладонь всё ещё сжимала мой рот, но сила ослабла, и я чувствовал, как тепло руки согревает моё лицо. Мне захотелось повернуться и вот так же приложить руку к его щеке, но я не осмелился это сделать.

Прошло какое-то время, прежде чем все шорохи улеглись. Наконец, я решился взглянуть и смутился, встретившись с его глазами.

– Я так и думал, что раньше ты не видел ничего подобного, – шепнул он мне.

– Что это было? Что? Какое-то колдовство, да? Где тебя научили колдовать?

– Ну что ты, какое колдовство... Мы называем это – зеркало. Обычное зеркало. Его делают в Венеции, чтобы каждый, кто захочет, мог в нем видеть самого себя. А французский король пожелал иметь такую мастерскую в Париже. Он и пригласил итальянских мастеров.

– Так вы из Италии?

– Я же говорил: мы выехали из Венеции. Но вообще-то об этом никто не должен знать, пока мы не доберемся до Парижа.

– Почему это тайна?

Ансельми пристально смотрел на меня.

– Я сам удивляюсь, что не боюсь говорить с тобой... Но я спокоен: тебе некому рассказать, а если и скажешь, кто тебе поверит.

Слова его – чистая правда: вряд ли когда-нибудь решился заговорить об этом с папашей Арно.

– Ты хочешь сказать, что я видел там себя? То есть это были мои глаза?

– Ну, конечно, а ты их не узнал? Хотя, что тут удивительного – ты так испугался. Но это было твое лицо, уж поверь мне.

Раскрыв ладонь, он посмотрел теперь на оправу, сперва задумчиво, но взгляд его постепенно менялся, а глаза смотрели так внимательно, словно видели что-то особенное, недоступное другим.

Страх и любопытство попеременно терзали меня, что говорить, старость мудра и предусмотрительна, а в юности любопытство всегда берет над нами верх – я оказался не исключением. Но что тут может быть опасного, если Ансельми так спокоен, и тишина по-прежнему окружает нас? И если сам французский король желает иметь сей предмет, что тогда может быть предосудительного?

– Можешь показать ещё раз, Ансельми?

С недоверием я опять смотрел. Как в такой крошечной оправе может поместиться моё лицо? Я видел в ней то маленькое, чуть оттопыренное ухо и светлые волосы, торчащие над ним,

то сжатые губы. Я приоткрыл рот, и губы в оправе слегка раздвинулись! И впрямь колдовство, как такое может быть... Пробовал улыбнуться – и в ответ получил такую же неуверенную улыбку. Нахмурил лоб – и на лбу в оправе проявились черточки. Под ними двигались глаза – как бы я ни поворачивал оправу, они неотрывно смотрели на меня.

Ансельми молча наблюдал за моими гримасами. Потом поднялся.

– Ладно, уже совсем поздно, а утром рано вставать...

Неохотно я протянул ему оправу, и снова почувствовал тепло руки Ансельми, когда его пальцы слегка задели мои. Хотелось попросить его не уходить, но я лишь спросил напоследок:

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать скоро.

И, помедлив, добавил:

– А ты наблюдательный, Корнелиус.

*****

7

Удивительно, но в ту ночь я заснул сразу после его ухода. И странные сны явились ко мне: лежа на жестком полу, я грезил, как вокруг распускается сад, и цветы в нем на невиданно длинных стеблях то высились каждый на своем месте, то начинали кружиться, раскачиваясь и выгибаясь, их лепестки вихрем летели над моей головой. Цветы умели разговаривать, склоняясь, шептались между собой, но я ничего не разобрал, кроме своего имени.

Потом увидел двух девушек, похожие, словно сестры, совсем крохотные, они носились наперегонки друг за другом, и голоса их перекликались, только что совсем близко и вскоре едва слышно, где-то вдали. Во сне мне показалось, что это племянницы хозяина, я окликнул их, но когда они подбежали, понял свою ошибку: их лица оказались совсем незнакомы. Тонкие невесомые фигурки почти растворялись в воздухе, а глаза ласково и безмятежно смотрели на меня. Застенчиво я стоял с ними – ранее такие создания никогда мне не являлись.

Одна из девушек протянула руки, словно приглашая в свою забавную игру, и вдруг её глаза стали расти, меняться, пока не превратились в глаза Ансельми, такие же огромные, черные, со множеством отраженных огней, пляшущих в каком-то безудержном веселье. Девушка грубо схватила меня за плечи и принялась что было сил трясти...

– Оставь, оставь, я не сделал ничего дурного, – вскричал я и... проснулся.

За плечи, стараясь разбудить, держала мамаша Арно.

– Ну же, Корнелиус, ты совсем разоспался... Вставай скорее, господа хотят ехать, надо посмотреть, что там с лошадьми.

Не вполне проснувшись, я поднялся с пола. Перед глазами пробежали обрывки сна, но я не мог разобрать, что только снилось мне, а что действительно случилось прошлой ночью. Много из того, что наполнило мою память за последний день, не соответствовало жизни, которую я привык вести, а потому казалось невозможным.

Проходя через таверну, я поискал глазами мальчика, но не нашел: то ли он вышел, то ли ещё спал. А может, он мне привиделся? За столом сидели двое пожилых мужчин – один из которых успел набросить плащ – и такие же заспанные, как я, королевские гвардейцы. Если всё остальное – сон, тогда действительно со мной происходит что-то неладное. Мне стало не по себе.

На дворе было морозно и темно, солнце ещё дремало на самом краю неба. Что-то зашуршало под ногами, приглядевшись, я рассмотрел остатки соломы, сначала не догадался, как она могла попасть на двор ночью, а потом вспомнил: мы ведь переносили тюфяки. Надо же,

я и не заметил, как из них сыпалась солома, будет теперь папаше Арно чем занять меня утром пораньше.

Я прошел к лошадям, когда же взялся за ручку, чтобы открыть дверь в стойло, на мое плечо опустилась чья-то рука. От неожиданности я сильно вздрогнул, оглянувшись, увидел Ансельми.

– Видел, как ты вышел и решил пойти за тобой.

Я же не нашел ничего лучше, чем сказать:

– Почему ты так решил?

Ансельми усмехнулся.

– Не думаю, что иначе нам удалось бы с тобой попрощаться, уж больно хозяин твой суров. А знаешь, я решил, что оставлю его тебе.

И в руку мою легла знакомая оправа. Значит, это был не сон – я почувствовал на душе облегчение.

– Только спрячь хорошенько и никому не показывай. А то отберут да тебя же поколотят. Я и сам раньше никому не говорил, что оно у меня есть. Просто вчера хотел рассказать, что мы будем делать в Париже, но без него ты бы не понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.